

Культура. — 1993. — Вып. — С. 3

Уже в зените, но все еще впереди

Все несчастные театры в нашем Отечестве похожи друг на друга своими бедами. А вот жизнь удачливых представляется загадочной. И в самом деле — как в условиях экзотического закса, пугливых для большинства, этим несчастным удается не просто сносить существование, но блистать?

Отвечать мне показалось уместным искать у человека, который всегда был мужиком, но от которого в театральном деле зависит, может быть, половина успеха. А именно — у Дмитрия Подюнова, директора «Новой оперы» (или «Новослободской», как ее еще называют), в два года сделавшейся одной из самых заметных звезд на музыкально-театральном небосклоне России.

— Дмитрий Викторович, собираясь к вам, я припомнила эпизоды большого пути «Новой оперы»: непростые обстоятельства рождения, взрывоопасная презентация год с небольшим назад, последовательное за мною выстрагивание премьер, восторженные оценки делкативной критики, Хотелось говорить о слагаемых успеха, и вдруг... Колобов, разгромив один театр, имени Станиславского и Немировича-Данченко (увел хор, оркестр, отхватив часть имущества), полноценно, го нового не создал — нет помещения, нет постоянного репертуара, — сообщила мне и вам, наверное, тоже газета «Музыкальное обозрение». Что сказать?

— Что театр — это не помещение и даже не репертуар. Театр существует, если есть лидер, генерирующий художественные идеи, интересные всему коллективу, и такого лидера судьба нам послала. Остальное — финансы, организация, материальная база, — на мой взгляд, — проблемы второго плана. Другое дело, что они могут затруднить работу театра. За два года «Новая опера» сделала четыре спектакля и несколько концертных программ, а могла и могла бы больше, будь у нее собственное помещение и, к слову сказать, та часть имущества — музыкальные инструменты, декорации, мебель, которую, по постановлению московского

правительства, мы должны были получить от Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко и — не получили. Мы начали с нуля... Впрочем, это не так. Мы начали с людьми, свободно выбравшими, где им работать и за каким лидером идти.

— Многие помнят прошлогоднее обращение Колобова к общественности с просьбой помочь остаться зданию Зарянского театра. Но и по действам ваших оркестрантов и солянок работают в одном помещении, хор — в другом, административная — третьем, спектакли играют на Новой сцене Таганки. Неужели та борьба закончилась поражением?

— Напротив, победой. Мы получили Зарянский театр в аренду на 25 лет. Но в условиях территориальной раздробленности нам, к сожалению, предстоит работать еще долго — мы только начали, его реконструкцию, которая должна завершиться в 1997 году. А на это время нашей главной репутационной базой станет бывший кинотеатр «Звезда». В административном же здании на улице Ахсанова мы думаем сделать классы для хора и ма-

ленькую гостиницу для приглашенных солистов.

— Если в результате тагэнского раскола вам откажут от сцены (и чему, похоже, идет дело), будет ли это для «Новой оперы» катастрофой?

— Это будет проблемой. У музыкального театра — своя специфика, и не под каждую сцену или зал мы можем приспособиться. Во-первых, нужна оркестровая яма, во-вторых, хорошая акустика. Но, думаю, выход мы найдем.

— Почти все оперные театры мира сегодня ощущают недостаточность государственных дотаций и вынуждены идти на сокращение трупп и расходов на постановки. Судя по тому, что шлет «Новая опера» растет, а внешний облик представлений не делается беднее, вы живете в каком-то режиме финансового благоприствования со стороны вашего патрона — московского правительства?

— Мы просто не требуем невозможного. Как положено, предоставляем смету в департамент финансов, его специалисты рассматривают обоснованность каждой цифры, а я, со своей стороны, доказываю

целесообразность выделения данной суммы. (В прошлом году она, например, составила 38 миллионов рублей). В чем-то со мной соглашаются, в чем-то не совсем. Но давать или не давать деньги, урезать или лишить смету в целях экономии ради экономии — так вопрос не стоит. Впрочем, допускаю, что, не будь у нынешнего лужковского правительства стабильной линии на поддержку культуры, достичь взаимопонимания было бы гораздо труднее.

— Но ведь даже год назад на 38 миллионов, часть из которых и тому же пошла на реконструкцию «Звизита», невозможно было сносить существовать, а вы еще «позволяете» себе столь разорительные по нынешним временам удовольствия, как гастроли!

— Во-первых, у нас есть спонсор — Российский национальный коммерческий банк. А кроме того, принципиальная позиция «Новой оперы» — систематические поездки по России — иногда совпадают с кинематографическими в местах. В этом году мы, например, получили приглашения на Калининградский, Мурманский, Тверской

фестивали. Театру эти поездки не будут стоить ни копейки — все расходы берут на себя устроители.

— Я заметила одну закономерность — чем меньше творческих удач в театре, тем с большей охотой его руководство говорит о своих экономических «абсолютных». И наоборот. К примеру, директор «Новой оперы», находясь на эстафете, чувствую, совсем не настроен жаловаться. В самом деле не на что?

— Я исхожу из того, что проблемы, решение которых зависит от моих способностей и возможностей, — все-таки мои проблемы. Я вправо выхожу не на чей-либо суд в том случае, если убежден, что мои сил — и, может быть, сил любого другого директора — недостаточно для их разрешения. Скажем, я почти бесценен перед несовершенством наших законов. Недавно, к примеру, вышел законопроект о новых законодательствах по культуре. Но без конкретных инструкций, разработанных для всех связанных с культурными процессами учреждений, они не более чем красивые бума-

га. В чем я и убедился, когда началась наша история с музыкальными инструментами.

На их приобретение за границей государство выделяло «Новой опере» 100 тысяч долларов. Но к тому времени, когда они начали поступать на таможенную, вышел закон об уплате пошлины в размере 15 процентов от суммы контракта. У нас таких денег, естественно, не было. И вот уже пятый месяц, пока мы добиваемся освобождения от пошлины, инструменты лежат в подвале арестанта, а за каждый день пребывания там нам накручивается штраф. Не парадокс ли — государство одной рукой под названием «московское правительство» выделяет театру деньги, тем самым осуществляя свою миссию по поддержке культуры, а другой рукой, именнутой «таможенный комитет», изымает часть тех же денег и впаривает собственным декларациям уравновешивать «права» музыкальных инструментов, предназначенные для бюджетного учреждения культуры, и сигареты, закупаемые коммерческими структурами.

Пока существуют проблемы такого рода, проблемы чисто театральные — типа выпуска декораций, отсутствия транс-портных, поиска квалифицированных мастеров и настоящих администраторов — кажутся мне честными, с которыми должен справляться всякий опытный организатор. Но кардинальные проблемы мы должны решать вместе, в том числе и с помощью Министерства культуры. К сожалению, театральные директора совершенно не общаются, а министерство даже не делает попытки собрать нас вместе, чтобы провести хотя бы экспертное исследование ситуации на театре.

— И все-таки несовершенство законов и недостаточность государственной помощи и культура ощущают на себе все российские театры, но почему молчите из них, в том числе «Новой оперы», и это не мешает жить полноценной жизнью в искусстве? В чем секрет?

— Что касается нашего театра, то, на мой взгляд, он очевиден — это творческое единомыслие, царящее сегодня в коллективе.

Л. ДОЛГАЧЕВА.

Москва
"Новая опера"